

Глава 9. Замороженная «оттепель» или Почему не «как в Венгрии»?

В конце 1950-х гг. коммунистический режим предпринял решительные шаги по искоренению инакомыслия в СССР и заморозил «оттепель». Предпосылки для такого поворота в политике начали складываться еще весной 1956 г., когда руководству страны стало известно об активной роли молодежи и студентов в тбилисских событиях. Чаша терпения переполнилась поздней осенью 1956 г. Партийная верхушка остро отреагировала не только на венгерские события, но и на выступления советской образованной молодежи против ввода войск в Венгрию. Начался принципиальный поворот к политике «социалистически законных» политических репрессий в собственной стране. Показательно, что Президиум ЦК КПСС одновременно (4 ноября 1956 г.) рассмотрел два вопроса - стабилизацию ситуации в Венгрии после ввода туда советских войск и «очищение вузов от нездоровых элементов»¹. Именно тогда обозначилась прямая и непосредственная связь между событиями в Восточной Европе и отношением партийного руководства к «внесистемной» политической активности некоторых групп населения СССР. Эффективной тактикой решения наиболее острых идеологических проблем по привычке сочли методы политического сыска – «разбираться» со студентами поручили КГБ². Чуть больше месяца спустя (19 декабря 1956 г.) новый репрессивный курс был закреплен в закрытом письме ЦК КПСС к партийным организациям «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов», разработкой которого занималась комиссия по руководством Л.И.Брежнева³.

Таблица 1. Статистические сведения о числе лиц, осужденных за антисоветскую

¹ Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. Т.1. С.202, 979.

² См. Бобков Д.Ф. КГБ и власть. М., 1995. С.144-145.

³ Подробнее о изменениях репрессивной политики режима после смерти Сталина см.: Козлов В.А. Крамола: инакомыслие в СССР во времена Н.Хрущева и Л.Брежнева (По материалам Верховного суда и прокуратуры СССР), статья 1 // Общественные науки и современность. 2002. № 3. С. 75-88; статья 2 // Общественные науки и современность. 2002. № 4. С. 68-79. См. также: Козлов В.А. Введение // Крамола: инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежнев. 1953-1982 гг.: Рассекреченные документы Верховного суда и прокуратуры СССР. Под. ред. В.А.Козлова и С.В.Мироненко. «Материк». М., 2005. С.5-65.

агитацию и пропаганду и за распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, за период с 1956 по 1987 гг.*.

Годы	Осуждено по:			
	ст.70 УК РСФСР	ст.190 УК РСФСР	По обеим статьям	В среднем осуждений за год
1956-1960	4676	-	4676	935,2
В том числе:				
1957	1964	-	1964	1964
1958	1416	-	1416	1416
1961-1965	1072	-	1072	214,4
1966-1970	295	384	697	135,8
1971-1975	276	527	803	160,6
1976-1980	62	285	347	69,4
1981-1985	150	390	540	108
1986-1987	11	17	28	14
Итого	6543	1609	8152	254,8

* Подсчитано по: О массовых беспорядках с 1957 года...// Источник. 1995. № 6.

С.153.

Данные *таблицы 1* показывают мощный всплеск политических репрессий в 1957-1958 гг. Количество осужденных за антисоветскую агитацию и пропаганду в течение этих двух лет составляет 41,5% от общего числа всех осужденных за 32 года «либерального коммунизма»! На этот всплеск политических репрессий *после XX съезда КПСС*, противоречащий мифу о хрущевской «оттепели», уже обратили внимание некоторые авторы¹. Е.Пановян, понимая вопиющий характер противоречия между данными судебной статистики и стереотипными представлениями о хрущевском времени, подчеркнула в начале своей публикации о применении статьи 58¹⁰ УК РСФСР в 1957-1958 гг.: «У людей, специально не интересующихся современной историей, упоминание о репрессиях второй половины 1950-х годов вызывает удивление»¹.

Вспышка репрессивной активности власти косвенно отражала глубокие трансформации в советском обществе. В 1957-1958 гг. социальные иллюзии, порожденные разоблачениями «культа личности» на XX съезде КПСС и мифом о наступившей «оттепели», с одной

¹ См.: Пановян Е., Пановян А. Участие Верховного Суда СССР в выработке репрессивной политики. 1957-1958 гг. // Корни травы. М., 1996; Пановян Е. Применение статьи 58-10 УК РСФСР в 1957-1958 гг. // Там же.

стороны, трудности адаптации значительных групп населения к новой политической интерпретации недавнего прошлого, с другой, наложились на противоположные по своей политической направленности и потому дезориентировавшие общество события: откровенная демонстрация сталинистских мускулов - подавление советскими войсками восстания в Венгрии, и удаление в 1957 г. из политического руководства наиболее “крутых” сталинистов (в действительности, может быть, и не намного более крутых, чем Хрущев, но ставших опасными для него Молотова, Кагановича, Маленкова и “примкнувшего к ним” Шепилова). Взаимодействие этих разнонаправленных факторов, отразивших серьезные противоречия среди коммунистических олигархов, активизировало практически всех потенциальных оппонентов режима: от «истинных марксистов» и «либералов» до националистов и сталинистов.

Подавление венгерского восстания вызвало протесты прежде всего образованных или относительно образованных романтиков как марксистского так и “протолиберального” толка. Они хотели от власти логики и последовательных действий на пути к «истинному ленинизму» или абстрактно понимаемой «свободе». В свою очередь, отставка Молотова, Кагановича и Маленкова (“верных ленинцев и сталинцев”) спровоцировала вспышку “народного сталинизма”, вообще простонародную оппозиционность власти, проникнутую недовольством условиями жизни и традиционными для России эгалитаристскими и античиновничьими настроениями. Оба тренда политической оппозиционности представляли собой принципиально разные исторические эпохи, выражали разновременные общественные идеалы, а потому скорее взаимно «гасили» политическую активность друг друга, чем действовали в унисон. Однако ослабление режима, мучительно распутывавшего огромный клубок проблем, оставленных в наследство Сталиным, в принципе могло создать предпосылки для тактического (либо долговременного) соединения простонародного протеста и интеллигентской оппозиционности, как это было в Венгрии, затем в Чехословакии, наконец, в СССР во времена Горбачева. Однако этого не

1 Пановян Е. Указ. соч. С. 73.

случилось. Возможность соединения простонародного недовольства условиями жизни и ростков политической оппозиционности во второй половине 1950-х годов была наглухо заблокирована коммунистическим руководством.

Подъем оппозиционных настроений в 1957-1958 гг. заставил власти задуматься над тем, кто и почему противостоит режиму. В мае 1958 г. Верховный суд СССР произвел обобщение судебной практики по делам о контрреволюционных преступлениях¹. Анализ был основан на репрезентативной выборке из всех рассмотренных в 1956-1957 гг. дел (кроме дел, рассмотренных в военных трибуналах), что составляло 59,9 % от общего количества, а также на материалах общесоюзной судебной статистики². Общий вывод вселял некоторую тревогу, но не обескураживал: снизившись до минимума в 1956 г., судимость за контрреволюционные преступления в 1957 г. резко пошла вверх - 2498 человек. Впрочем, успокаивали чиновники Верховного суда СССР, «удельный вес этих преступлений к общей судимости по уголовным делам остается незначительным и составил 0,3%»³. Причины же явления объясняли в целом верно, но в тонкости не вдавались. Рост числа осужденных за антисоветскую агитацию и пропаганду (84,5% всех осужденных за «контрреволюционные преступления») связывали как с реакцией «неустойчивых и враждебных элементов на события внешнеполитической и внутренней жизни» (события в Венгрии, разоблачение культа личности Сталина), так и с деятельностью органов государственной безопасности, прокуратуры и суда, воодушевленных письмом ЦК КПСС от 19 декабря 1956 г. «Об усилении политической работы в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов»¹.

Динамика судимости за антисоветские преступления, косвенно отражавшая изменения настроений в обществе, показывает, что наибольший рост недовольства продемонстрировал как раз тот класс, на который власти, по обыкновению, возлагали наибольшие надежды. Доля

¹ ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 32. Д. 5080. Л. 1-43.

² Там же. Л. 3.

³ Там же. Л. 4.

осужденных рабочих в 1957 г. резко выросла и достигла почти 50% от общего количества. Служащие и особенно крестьяне в тот же период демонстрировали, напротив, определенное социальное спокойствие. “Прочие” (единоличники, кустари, лица без определенных занятий) давали устойчиво высокую долю осужденных, непропорциональную их доле в населении страны (см. таблицу 2). В 1957 г. (за другие годы у нас, к сожалению, данных нет) доля маргинальных элементов среди «антисоветчиков» была велика (15,7%). Больше трети из них составляли прежде судимые (39,4%), в основном за общеуголовные преступления. 1,1% были твердыми противниками режима - они уже имели в прошлом судимость за антисоветскую агитацию и пропаганду и после реабилитации вновь попали под суд¹. Большинство осужденных в то время «антисоветчиков» представляли собой не интеллигенцию (растворенную официальной статистикой в расплывчатой категории “служащих”), а народный политический “андерграунд”.

Таблица 2. Доля представителей различных социальных групп среди осужденных за контрреволюционные преступления, в %%

Социальные группы	1954	1955	1956	1957
Рабочие	33,9	30,1	32,9	46,8
Служащие	20,3	24,9	24,1	18,3
Колхозники	16,7	18,5	13,4	9,9
Прочие (крестьяне-единоличники, кустари, лица без определенных занятий)	29,1	26,5	29,6	25,0

Составлено по: ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 5080. Л.6.

Антисоветской агитацией и пропагандой занимались в основном одиночки (91,3% осужденных). Лишь 6 % осужденных действовали небольшими группами (по 2-3 человека), а 2,7% были объединены в более многочисленные организации. По мнению властей, большинство из них были “злостными антисоветчиками”. 62,6% осужденных успевали до ареста совершить “неоднократные действия”, после первого же эпизода попадался лишь каждый третий. На самом деле, анализ наиболее распространенных в 1956-1957 гг. форм антисоветской активности противоречит этому выводу:

¹ Там же. Л. 16-17.

Формы антисоветской активности	% осужденных к общему числу осужденных за антисоветскую агитацию и пропаганду
Устные контрреволюционные высказывания	57
Антисоветские листовки	13
Анонимные и подписанные письма антисоветского содержания	22
<i>В том числе:</i>	
анонимные	19
подписанные	3
Хранение и распространение антисоветской литературы, в том числе дневники, переписанные от руки стихотворения и песни и другие рукописные документы антисоветского содержания	7,7

Составлено по: ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 5080. Л.17-18.

Ясно, что больше половины осужденных (57%) оказались в заключении просто “за разговоры”, то есть никакой целеустремленной антисоветской деятельностью просто не занимались, хотя и были настроены если не враждебно, то по крайней мере критически по отношению к режиму и его политике. Еще 3% “антисоветчиков” составляли наивные люди, решившиеся критиковать власть в открытую, не видя в своем подписанном обращении к начальству никакого криминала. 7,7% были осуждены за “хранение и распространение антисоветской литературы”, то есть в большинстве своем - то же “ни за что”. Сознательными оппонентами власти можно считать только авторов листовок и антисоветских анонимок - 31%.

Другими словами, в середине 1950-х годов власть все еще демонстрировала ветхозаветное, жестокое, осмеянное еще Салтыковым-Щедриным и расцветавшее в сталинские времена отношение к крамоле. Наказанию подлежали не только поступки, но и сам *образ мысли*. Полицейские же чиновники, готовые хватать людей за “неправильные мысли”, явно испытывали полумистический трепет перед произнесенным Словом, каковое мифологическое сознание наделяет силой заклинания и проклятия.

Что же это было за Слово и какие именно “потрясения основ” оно

¹ ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 32. Д. 5080. Л. 6, 17.

в себе заключало? 33,7% устных и письменных “высказываний” были общей критикой “советской власти и конституционных принципов социалистического государства (советская демократия, колхозный строй, права и свободы граждан и др.), 13,5% были реакцией на “разоблачение вредных последствий культа личности”. Причем, власти не отделяли тех, кому эти разоблачения показались недостаточными, от тех, кто полагал их излишними и неправильными. Главное было в том, что и те и другие “высказывались” против воли начальства, уже сообщившего народу о “правильном” образе мысли. Те или иные решения власти в области внутренней политики обругали 27,3% осужденных, 8,2% “неправильно” отреагировали на события в Венгрии, 8% допустили “антисоветские высказывания на религиозной почве”, 9,3% были замечены в “буржуазно-националистических контрреволюционных высказываниях”¹.

Устная крамола (по сравнению с письменной) отличалась значительно большей резкостью тона и выражений (“высказывания, содержащие клевету и нецензурную брань в адрес КПСС, Советского правительства и их руководителей” составили 28,8%, “террористические угрозы” в адрес коммунистов - 12,3%), более острой спонтанной реакцией на события в Венгрии (28,4%). Остальные устные высказывания в массе своей были обычным ворчанием по поводу внутренней и внешней политики¹.

Распространением антисоветских листовок, требовавшим целеустремленности и усилий, занимались главным образом молодые образованные мужчины. Больше половины “листовочников” (58,1%) составляли люди в возрасте до 24 лет. Доля этой же возрастной группы среди всех осужденных за антисоветскую агитацию и пропаганду была в два с лишним раза меньше (24,4%). Еще более яркую картину дает сравнение образовательного уровня: среди “листовочников” 44,8% составляли учащиеся, среди всех осужденных - только 4,6%. В 1956-1957 гг. листовки в основном писали от руки (в 64 случаях из 71, включенного в анализ Верховного суда СССР). В двух случаях использовалась пишущая машинка, трижды в дело были пущены

¹ Там же. Л. 17.

изготовленные в Западном Берлине листовки так называемого "центрального объединения послевоенных эмигрантов из СССР" - "Национально-трудового союза". Обычно листовки расклеивали в общественных местах или разбрасывали на территории предприятий. Разбрасыванием листовок на улице, делом абсолютно бесперспективным, молодые люди старались не заниматься².

Чиновники Верховного суда СССР специально изучили 108 дел 1956-1957 гг. о распространении антисоветских анонимных писем. Всего по этим делам проходило 112 человек, из них 32 человека имели в прошлом судимость (среди "листовочников" таких было гораздо меньше)³. Наиболее популярными среди анонимщиков были следующие темы (см. таблицу 3).

Таблица 3. Наиболее популярные темы анонимных антисоветских листовок в 1956-1957 гг.

Темы анонимных антисоветских писем (формулировки из справки Верховного суда СССР)	В % к общему числу изученных писем
с нападка на внутреннюю и внешнюю политику партии и правительства, в частности, по вопросу о венгерских событиях, о взаимоотношениях с другими странами социалистического лагеря, о налоговой политике, заработной плате, пенсиях, состоянии сельского хозяйства, национальной политике	2 7,2
с клеветой на материальные условия жизни в СССР и с восхвалением жизни в капиталистических странах	1 6,6
содержащие призыв к свержению советского правительства, невыполнению его решений, расправе с коммунистами, выступление против руководящей роли КПСС	1 4,6
с оскорблениями и угрозами по адресу руководителей партии и правительства, ответственных государственных и общественных деятелей	1 4,6
со "злыми выпадами" против советской демократии	1 4,6
с иными антисоветскими высказываниями и измышлениями	8, 6
с призывами добиваться выхода Украины, Белоруссии из СССР, передачи Закарпатской Украины Венгрии	3, 3

Составлена по: ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 5080. Л.30

С конца 1950-х годов наметилось смягчение карательной политики хрущевского руководства, начался поиск новых более эффективных и

¹ Там же. Л. 20.

² Там же. Л. 25-27.

³ Там же. Л. 29.

менее жестоких форм борьбы с крамолой. Распространяется практика профилактирования. Значительная часть выявленных “антисоветчиков” в начале 1960-х годов уже не привлекалась к суду. Например, из 385 политических преступников, выявленных в мае-январе 1964 г., 225 человек (58,4%) было профилактировано¹. Эти цифры еще далеки от “брежневских” пропорций, но тенденция, тем не менее, достаточно очевидна.

На рубеже 1950-1960-х годов был произведен частичный пересмотр поспешных и вынесенных вопреки «социалистической законности» приговоров 1957-1958 гг. Власть как бы попыталась загладить нанесенные населению незаслуженные обиды. В итоге обиженными оказались некоторые руководители органов государственной безопасности. Они, как им казалось, рьяно следовали «генеральной линии», сформулированной в свое время в закрытом письме ЦК КПСС от 19 декабря 1956 г. «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских враждебных элементов». Теперь же судебные органы и Прокуратура СССР поставили под сомнение качество их работы.

30 ноября 1960 г. Председатель КГБ при Совете Министров Украинской ССР генерал-майор В.Никитченко направил Председателю КГБ при СМ СССР А.Н.Шелепину раздосадованное письмо. Генерал жаловался, что в действиях органов государственной безопасности, суда и прокуратуры нет единой практики, что приговоры, вынесенные во время репрессивной атаки на крамолу в 1957-1958 гг. (после событий в Венгрии), Прокуратура СССР пересматривает в порядке надзора, смягчает, прекращает за отсутствием состава преступления либо переквалифицирует обвинения на “хулиганство” и другие общеуголовные статьи².

Шелепин разослал письмо В.Ф.Никитченко в Верховный суд и Прокуратуру СССР и потребовал “выработки единой точки зрения и, возможно, дачи совместных разъяснений”³. Но Прокуратура СССР

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 454. Л. 111.

² ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 32. Д. 6722. Л. 142.

³ Там же. Л. 135.

стояла на своем. При рассмотрении дел, вызвавших раздражение государственной безопасности, утверждали работники прокуратуры, выяснилось, что следствие по некоторым из них проведено на низком уровне: “не все обстоятельства подверглись исследованию [...] при допросах обвиняемых и свидетелей ставились неправильные вопросы”. В большинстве спорных дел при оценке высказываний обвиняемых не учитывались все установленные по делу обстоятельства. Вместо того, чтобы согнуть спину перед всемогущим еще недавно КГБ, работники Прокуратуры СССР предложили “указать прокурору Украинской ССР на недостатки в осуществлении прокурорского надзора”, другими словами, наказать его за то, что он покорно штамповал обвинительные заключения, подготовленные следователями государственной безопасности. В конце концов, конфликт ведомств спустили на тормозах¹. Попытки некоторых высокопоставленных чинов КГБ вырваться из клетки “социалистической законности” на простор политических репрессий против инакомыслящих провалились.

Репрессивный нажим на потенциально опасные для режима группы населения (интеллигенция, студенчество, молодежь) сам по себе вряд ли сумел бы остановить политизацию начинавшегося кризиса взаимоотношений власти с народом, если бы не одновременный поворот Хрущева к развертыванию новых социальных программ, призванных умиротворить законопослушную (пусть и недовольную!) часть населения страны, прежде всего, рабочих. Не случайно, например, в конце 1956 г., то есть накануне новой атаки режима на «антисоветчиков», было принято решение о снижении норм выработки - фактически об увеличении зарплаты¹. В том же ряду стояли улучшение условий жизни в колхозах, рост производства товаров народного потребления, ограничение милицейского произвола и т.п.

В числе подобных умиротворяющих мер, повышавших легитимность власти и доверие к ней народа, особое место занимал поворот к массовому жилищному строительству, начатый во второй половине 1950-х гг. Профилактический эффект этой программы до сих

¹ Там же.

пор не оценен по достоинству. Между тем, угрозы режиму, выраставшие из противоречия между убожеством жизни простых людей и пропагандой «построенного в основном социализма», отчетливо проявились именно в остроте «квартирного вопроса». Трудно дать количественную оценку этого потенциального источника вовлечения в конфликты с властью значительных социальных групп. Но известно, что жалобы по жилищным вопросам стабильно занимали одну из первых строчек в списке проблем, особенно раздражавших горожан. Несколько забегаю вперед, приведу откровения руководителя партийной организации Муром, города, где в 1961 г. вспыхнули массовые беспорядки², о конфликтном потенциале «квартирного вопроса»: «Это самый острый вопрос, так как голод в жилье ощутим. Так не коренные жители города Муром, которые прожили всю жизнь в Муроме, идут на прием, а люди, которые только появились в Муроме, еще не прописались, живут на нелегальном положении, всего работают на заводе 5 месяцев и за глотку хватают, «держимордой» называют председателя городского Совета». В жалобах очередников содержались угрожающие предупреждения и намеки: «Нас тысячи!»³.

Местной бюрократии обычно удавалось блокировать идущие снизу сигналы недовольства, а квартирные обиды растворялись в длинном списке мотивов, способных толкнуть людей на участие в беспорядках. Однако в ряде случаев жилищные конфликты приобретали настолько болезненную форму, что информация о них все-таки доходила до партийной верхушки. В декабре 1956 г. МВД СССР информировало ЦК КПСС о самоуправных действиях рабочих строительного треста № 19 Мосстроя и завода № 21 Главмосжелезобетон. В ночь на 18 декабря 20 рабочих семей, всего 131 человек, проживавших в ужасающей тесноте (3-4 семьи теснились в комнатах площадью 28-32 м²), самовольно заняли квартиры в новом, еще не сданном в эксплуатацию жилом доме. Уговоры представителей райкома КПСС, исполкома, депутатов Моссовета на рабочих не

1 См.: Пановян Е., Пановян А. Указ. соч. С.58-59.

² Эти события подробно описаны в главе 12.

³ РГАСПИ. Ф.17. Оп.91. Д.1498. Л.23.

подействовали. Они категорически отказались выполнить постановление прокуратуры о выселении, требовали выдачи ордеров на занятую ими площадь и подключения газа и водопровода. В дом рабочие никого не пускали. Они устроили заслон на лестничной площадке при входе в подъезд – на нижних ступеньках лестницы располагались беременные женщины, за ними – женщины с детьми, потом мужчины. Показательно, что МВД предпочитало в конфликт не вмешиваться, фактически уклонилось от выполнения постановления прокуратуры Калининского района г.Москвы об административном выселении. Ссылаясь на то, что Мосстрой и его общественные организации еще не приняли «все необходимые меры разъяснения по добровольному освобождению незаконно занятых квартир», Министерство внутренних дел «не сочло возможным дать указание о немедленном административном выселении, а рекомендовало руководству УВД гор. Москвы решить этот вопрос с московскими партийными и общественными организациями»¹. Столь мягкая реакция властей сама по себе говорит о политическом значении этого, казалось бы, локального конфликта, нежелании ссориться с рабочим классом, а тем более прибегать к демонстративному устрашению и насилию.

Гораздо более опасную («антисоветскую») форму приняли жилищные беспорядки в г. Гвардейске Калининградской области. 21 июля 1958 г. бухгалтер С.И. Лукашевич вместе с отцом и сестрой самовольно заняли квартиру, принадлежавшую воинской части. Несмотря на неоднократные требования властей, Лукашевич оказался добровольно освободить квартиру. 15 августа 1958 г. районный прокурор санкционировал выселение семьи из квартиры. Но и после этого Лукашевич квартиру не освободил. Поэтому 22 августа сотрудник милиции и представитель воинской части попытались выполнить постановление прокуратуры путем «административного выселения». В результате долгих переговоров Лукашевич, который был прописан на квартире у брата, согласился вывести вещи добровольно. Утром 23 августа он вел себя подчеркнуто миролюбиво. Поэтому сначала

1 ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп.2. Д. 482. Л.216-217.

участковый уполномоченный милиции, а затем и представитель части покинули место погрузки. Оставшимся на месте шоферу и солдатам-грузчикам было приказано «разгрузить вещи там, где укажет Лукашевич». Кто же мог подумать, что Лукашевичи велят выгрузить вещи на центральной площади города, около трибуны, и там же организуют стихийный митинг в свою поддержку. Удивленным зевакам (всего в событиях участвовало 150-200 человек) Лукашевич охотно объяснял, что «его незаконно выселили и вещи выбросили на площади». В обвинительном заключении говорилось, что «в целях создания видимости учиненного над ним произвола и беззакония» он расставил свои домашние вещи около трибуны и обратился к собравшимся с «клеветой на органы власти». Заявил, что якобы его «незаконно выселили из квартиры, больному отцу вывернули руки и в тяжелом состоянии вместе с вещами "выбросили" на площадь, при этом обращал внимание граждан на лежащего около трибуны в кровати отца, который, притворившись больным, громко стонал и делал вид, что теряет сознание».

В своих претензиях к власти семья Лукашевичей нашли полное понимание и поддержку толпы, которая, «не зная истины с выселением Лукашевича, подогретая клеветой последнего на органы власти», пришла в движение и подняла шум. «Многие из публики» выкрикивали «разные недостойные слова в адрес местных властей, органов милиции и т.д.». Вскоре на площадь прибыли работники милиции. Снова началась погрузка домашнего скарба. В ответ Лукашевич взобрался на вещи и обратился к народу: «Граждане, смотрите, что делает со мной инвалидом Советская власть. Окажите мне помощь, не давайте варварам над нами издеваться. Я надеюсь, что граждане мне помогут, если это не может сделать Советская власть...».

Около трех часов дня, когда сотрудникам милиции удалось вывезти с площади часть семейного имущества, Лукашевич взобрался на трибуну и вновь обратился к толпе: «Меня и старика 70 лет с вещами выбросили на улицу, применяли силу. Позор для наших органов...». А после этого зачитал письмо в Верховный Совет СССР, в котором «извратил факты его выселения, клеветал на органы власти, а затем

собрал подписи под ним присутствующих граждан, в том числе и детей в возрасте 9 лет». Кроме того, в ходе событий Лукашевич сумел отправить телеграммы в ЦК и обком КПСС: «Москва, Центральный Комитет - меня со стариком выбросили с вещами на площадь Победы, люди возмущены, спасите»¹.

Дело московских рабочих, также как и дело Лукашевича, возникшие на фоне стремительно обострявшейся во второй половине 1950-х гг. жилищной проблемы, наглядно демонстрируют, какую политическую угрозу таили для власти эти и им подобные локальные конфликты, если бы не начало массового жилищного строительства, давшее миллионам людей надежду на человеческую жизнь. Такой же терапевтический эффект имели другие уступки рабочим, направленные на снижение их потенциальной конфликтности, ликвидацию предпосылок для соединения стихийного недовольства с интеллигентской антисоветской фрондой.

Побочным результатом политики умиротворения стало временное укрепление легитимности режима. Во второй половине 1950-х гг. советские коммунисты сумели достаточно быстро вытащить оживить в подсознании недовольных как память об ужасах сталинского террора, так и неизжитую коммунистическую мечту. Страх и надежда, подкрепленные обещаниями и декларациями о быстром улучшении условий жизни, соединились с традиционным для России расколом между интеллигенцией и народом и локализовали недовольство. Возможности взаимодействия малочисленных и неорганизованных потенциально протестных групп населения были заблокированы. Опасность реализации «венгерской» модели, соединения народного недовольства с политическим инакомыслием в то время была

1 ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп.31. Д.84330. Л.1-17. В октябре 1958 г. суд определил С.И.Лукашевичу «окончательное наказание» по ст.58-10 ч.1 УК РСФСР в виде лишения свободы сроком на десять лет без поражения прав с высылкой в отдаленные районы СССР сроком на пять лет. В декабре того же года Верховный суд РСФСР смягчил

ликвидирована. Власть на какое-то время сумела выйти из первого после смерти Сталина кризиса взаимоотношений с народом.

приговор до 4 лет лишения свободы.